

К 80-летию Василия Ивановича Белова

Эту переписку нельзя назвать полной (из контекста видно, что некоторые письма отсутствуют). Тем не менее, на наш взгляд, она дает ясное представление о той душевной дружбе, которая связывала Василия Ивановича Белова и Вадима Валериановича Кожинова на протяжении более чем 30 лет.

В. Кожин не раз писал о творчестве В. Белова, писал с глубоким пониманием и проникновением, но вот, пожалуй, именно в кожиновских письмах, больше, чем в статьях, ощущается его личная заинтересованность в беловском творчестве, живое родство с тем идеалом цельной, полновесной и полнозвучной жизни, которой живут деревенские герои писателя.

И этот идеал, все отдаляющийся от нас, взмывающий в недостижимую высоту, и живительный воздух русской провинции, без которого современный житель мегаполиса вырождается в бездушного потребителя, — все то, чего Кожинovu так не хватало в Москве, он находил в общении с Беловым и его замечательными земляками-вологжанами: Николаем Рубцовым, Олегом и Виктором Коротавыми, Михаилом Карачевым.

Конечно, чувство духовного родства у них было взаимным. Василий Иванович дорожил мнением московского собеседника, делился своими творческими замыслами, сомнениями, а иной раз — в полном соответствии со своим прямым характером — резко спорил. Соратник, единомышленник и просто близкий человек, с которым можно поделиться самым сокровенным, — таков образ Вадима Валериановича в беловских письмах.

“Гармония для меня — это Бог...”

Из переписки В. В. Белова с В. В. Кожинoвым

1

5 мая 1972

Дорогой Вася!

Спасибо за доброе письмо. Пользуюсь случаем, чтобы поздравить тебя с праздником Победы.

А главное — обращаюсь с просьбой. Я не смог достать “Север” с началом твоей “летописи” (1) и был бы очень благодарен, если бы ты счел возможным прислать мне экземпляр (мечтал бы получить — хотя бы только для прочтения — и “сокращенные” главы).

Конечно, на нет и суда нет, но уж постарайся прислать — ведь я как-никак автор первого “исследования” о тебе (2).

Жаль, что ты коснулся только вопроса о повести и романе. Кстати, ты пишешь (3), что он тебе непонятен, и тут же как бы опровергаешь самого себя, замечая, что тебе придется решать проблему: “повесть или роман?”. Другого понимания мне и не нужно — важно лишь, чтобы она (проблема) не была выдуманной, чисто “литературоведческой”. Меня интересует другое — как воспринял ты мои рассуждения о “голосах” твоей повести?

Впрочем, если нет желания, можешь и не писать об этом, — быть может, поговорим при встрече.

Всего тебе доброго.

Твой В. Кожинoв.

(1). Имеется в виду роман “Кануны” (1972–1987), первые главы которого были опубликованы в журнале “Север” в 1972 году.

(2). В. Кожин подражает здесь свою статью “Голос автора и голоса персонажей. “Привычное дело” Василия Белова”, которая была написана в 1968 году, но вышла в свет только в 1971 году, в коллективном сборнике “Проблемы художественной формы социалистического реализма”. Далее в письме идет речь об этой статье.

(3). Письмо, в котором содержится реакция В. Белова на кожиновскую статью “Голос автора и голоса персонажей”, не обнаружено.

2

23 сентября 1975

Милый Вася!

Был очень рад получить от тебя весточку – и вовсе не потому, что ты написал лестные слова о моих статейках. Просто очень высоко ценю тебя как художника, возлагаю на тебя самые большие надежды сейчас (хотя и прекрасно понимаю, как бесконечно трудно тебе исполнить свой высший долг), и очень чувствую твоё человеческое обаяние.

Два слова о Николае (1) и моей статье (2). Ты как-то рассказывал о телефильме по “Привычному делу”. Статья – это нечто вроде фильма. По просьбе журнала я дал главу из моей книжки, которая набирается сейчас в “Советской> России” (когда выйдет – неясно) (3). Когда я прочитал гранки (журнальные), я хотел отказаться печатать статью (ведь они – заметил ли ты? – вырезали даже рассказ о смерти Коли, и из <текста> статьи можно подумать, что он еще жив. . .). Вырезали они и упоминание о том, что Коля имел “роковое пристрастие” – тогда яснее был бы смысл “неуравновешенности”. Ну, и многое другое.

Короче говоря, мне все же очень жаль, что эта статья вышла, – я просто не решился на ссору с журналом. В свое время буду очень просить тебя прочитать книжку (в ней всего 4 листа). Еще не могу не сказать, что в твоём письме сквозит мысль: мол, ты знаешь о Коле лишь понаслышке. Это, прости, не так. Я познакомился с ним еще до его поступления в Литературный институт, по Питеру (то есть раньше тебя) много было с ним выпито и проспороно – особенно в 1962–1967 годах. Мне приятно теперь вспомнить, что я первый написал о нем как о замечательном поэте (еще в 1965 году) (4). Это, кстати, было вообще чуть ли не первое мое выступление как критика (до этого я лет пятнадцать писал только о классической литературе). Кстати, в следующем моем выступлении есть о тебе – см. “Вопросы литературы”, 1966, № 10 (5).

О “здоровье” можно спорить. Я был вместе с Колей в драках; мне казалось, что он не очень силен, хотя и рьян (обычно старался вцепиться мертвой хваткой в противника).

Но, конечно, я обо всем, о чем ты написал, буду думать.

Всего тебе самого доброго, от души.

Очень хотел бы почитать то, что ты сейчас пишешь.

Поклон семейству.

В. Кожин.

(1). Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) – поэт. Знакомство в начале 60-х годов Кожинова с Н. М. Рубцовым и – чуть ранее – с М. М. Бахтиным ознаменовали коренный поворот в судьбе Вадима Валериановича. Встреча с этими людьми дала ему возможность непосредственно соприкоснуться с *современной стихией русской поэзии и русской мысли*, а через них и внутри них – с самим русским бытием.

(2). “Самородность слова: Заметки о поэзии Николая Рубцова” // Наш современник. 1975, № 9.

(3). Книжка “Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта” вышла в 1976 году в издательстве “Советская Россия”.

(4). Имеется в виду выступление В. Кожинова в дискуссии о поэтических итогах года в ноябре 1965 года, опубликованное в 3-м номере журнала “Вопросы литературы” за 1966 год под названием “Поэты и стихотворцы”.

(5). Статья называлась “Искусство живет современностью”. Это первое

выступление В. Кожина, посвященное творчеству Белова. В статье высоко оценивались повести В. А. Курочкина и А. Г. Битова. По словам А. Битова, именно он обратил внимание Кожина на прозу Белова.

3

1 декабря 1975

Дорогой Вася!

Собираюсь написать тебе подробное письмо о Ю. Кузнецове (1) и вообще, а пока – просто *сопровожаю* книги, которые посылает тебе (по моему совету) Яков Ефимович Эльсберг (2), наш известнейший литературовед.

См. в тонкой книге страницы 299-300, а в толстой – стр. 400-401, где речь идет о “Канунах” (3). Надеюсь, что высоко положительная оценка начала романа ободрит тебя и, скажем, редакцию “Севера”. А то такие академические труды никто из литераторов не смотрит.

Всего самого доброго тебе и твоему семейству.

Обнимаю.

Вадим Кожин.

(1). Юрий Поликарпович Кузнецов (1941–2003) – поэт. Высокая духовная дружба, соединявшая с 1974 года В. Кожина и Ю. Кузнецова, воплотилась в таких проникновенных кузнецовских стихах, как “На повороте долгого пути...”, “Здравица”, “Приветствие”, “Сей день высок...”, “Ты прости: я в этот день печален...”

(2). Яков Ефимович Эльсберг (1901–1976) – литературовед, в 50-е – начале 60-х годов возглавлял отдел теории в Институте мировой литературы имени А. М. Горького. Собрал вокруг себя талантливую молодежь, выступил организатором издания легендарного трехтомника “Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении” (1962–1965), в котором участвовали сотрудники отдела (В. В. Кожин, П. В. Палиевский, С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев, В. Д. Сквозников, Н. К. Гей, Ю. Б. Борев и др.) Эта деятельность была своего рода оправданием предыдущего периода его жизни, омраченного, по свидетельству современников, сотрудничеством с ГПУ.

(3). О каких книгах идет речь, установить не удалось.

4

3 января 1977

Дорогой, любимый Вася!

Спасибо тебе за поздравление. И прости, что сам я не послал тебе оно-го – взялся даже начертать нечто, но задумался – то ли ты в Вологде, то ли в Тимонихе, – да так и не написал. Все равно я тебя всегда помню и люблю. Вот с год собираюсь что-то написать, – хотя, наверное, ничего путного не получится.

Мой замечательный друг (увы, погибший) – рыбинспектор с Плещеева озера в Переяславле (1), человек предельно простой (2 класса школы, ни одной книги в жизни не прочитал), но очень мудрый, сказал как-то (сильно выпимши; трезвый – он стеснялся рассуждать):

– Вот, Дима, мы с тобой друзья. Да. Но почему нельзя так сделать, чтобы хоть на минуту я стал бы ты, а ты – я. Чтоб я узнал всё, что ты мыслишь, а ты – что я мыслю...

Да, этого нельзя. Я хочу сказать только, что зря ты сомневаешься в безусловной ценности “Канунов”. Я бы мог объяснить суть дела сам, но для авторитетности приведу слова Блока, написанные им за 4 месяца до смерти: “Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга – философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры... Это – признаки силы и юности”.

К тебе все это применимо больше, чем к кому-либо. А то, что ты сомневаешься, – тоже хорошо. Только продолжай сомневаться, не переходи за какую-либо грань. Мой учитель – великий русский философ и филолог Бахтин –

часто повторял, что единственно достойная жизнь – даже, более того, единственно живая жизнь – это жизнь на грани (т. к. мы ведь всегда находимся на грани – жизни и смерти).

А вообще-то ты, Василий Иванович, гораздо больше своих книг (я это неопровержимо знаю). Про кого это еще можно сегодня сказать – не ведаю. Даже те, кого я очень ценю, пишут на пределе.

Тебе же нужна только воля да чисто бытовые условия, и ты невероятно многое сделаешь.

А кроме того, я люблю тебя безотносительно к твоим написанным и еще не написанным книгам, в чем и подписуюсь. Сердечные приветствия от Лены.
Дима Кожин.

(1). Адольф Яковлев. В 60-е годы В. Кожин с женой и друзьями часто отдыхал у него дома на берегу Плещеева озера.

5

30 января <19>78

Дорогой Вадим,

Угадай, чьи эти несколько косноязычные стихи?

Если считаешь, я бы хотел знать, понравился ли тебе автор (1)?

Лене (2) поклон.

Спасибо за передачу о Рубцове (3). Лобзов (4) прозвучал прекрасно, а тебя я не слышал, включил радио с опозданием.

Белов.

(1). Это сопроводительное письмо сохранилось в кожиновском архиве без присланной рукописи.

(2). Елена Владимировна Ермилова – жена Кожина.

(3). Таких музыкально-литературных радиопередач о Н. М. Рубцове с участием В. Кожина известно, по меньшей мере, еще две: в декабре 1979 года (сохранилась стенограмма выступления) и в 1993 году (на Радио-1, ведущий передачи – Ю. М. Лошиц).

(4). Александр Сергеевич Лобзов (1929–1986) – композитор-любитель, всю жизнь проработавший в системе МВД. Автор песен и романсов на стихи русских поэтов, в том числе Н. М. Рубцова; незадолго до смерти написал оперу “Бессмертный Кощей” по мотивам одноименной сказки Белова. Дружил с обоими авторами переписки.

6

30 августа 1978

Дорогой Вася!

Посылаю тебе поэта (1) – ты ведь мне послал. Пожалуйста, не пожалей времени и души – прочти стр. 22–122.

Ю. Кузнецов (скажу по секрету) с волнением ждет, пришлешь ли ты ему “Кануны”, которых у него нет. Он заявил, что было только четыре писателя <в России> – Шолохов, Платонов, Булгаков, Белов.

Но прочти Прасолова и скажи с горечью и радостью – “нашего полку при-было”, – хоть он уже 6 лет спит на воронежском кладбище.

Обнимаю тебя. Все хочется написать тебе нечто длинное, но стесняюсь.

Сердечный привет семейству – и тебе, конечно, – от моего семейства, включая меня.

Дима Кожин.

(1). Речь идет о книге поэта Алексея Тимофеевича Прасолова (1930–1972) “Стихотворения” (1978, автор предисловия В. Кожин). Поэзию А. Т. Прасолова Кожин высоко ценил. В статье “Судьба Алексея Прасолова” (1977) он писал: “Я убежден, что если в будущем возникнет мысль об издании книги, включающей в себя наиболее значительные образцы лирической поэзии нашего времени, то даже при самом строгом отборе в эту книгу – как бы мало в ней ни оказалось имен – войдут лучшие стихотворения Алексея Прасолова”.

9 декабря 1978

Дорогой Вася!

“Сказка” твоя произвела на меня двойственное впечатление (1). С одной стороны, ты создал великолепную поэтическую ткань. Я даже не ожидал, что тебе и это доступно. Но вместе с тем “платье” из этой ткани, по-моему, не шито. Какие-то разрозненные выкройки. Невольно вспоминаешь нечто близкое (и в этой близости нет греха) — “Снегурочке” Островского (хотя там — драма, а здесь — гротеск, что ли). В “Снегурочке” цельное, единое и ясное действие. Каждая реплика любого героя — звено в этом действии. А у тебя реплики большей частью призваны (хотел ты этого или нет — неважно) создать некую атмосферу, состояние мира. Но без определенного, отчетливого действия, внутреннего действия, драматургия (пусть даже драматическая поэма-сказка) теряет сценичность — как в буквальном смысле — <для> постановки, — так и в чтении.

Если бы это было повествование, все скреплялось бы воедино волей повествователя, рассказчика. Здесь же как-то все распадается. Мелкие, дробные реплики в стихе как-то даже раздражают, мешают (и это раздражение — внешний показатель художественной неправомерности). Если бы каждая этих реплик выражала сдвиг в едином драматическом действии — другое дело. А так — впечатление своего рода хаоса: кто-то возникает, исчезает, вновь появляется, испытывает какие-то чувства...

Ты, быть может, возразишь, что как раз и хотел изобразить хаос. Но в искусстве и хаос должен быть воплощен, если угодно, в своеобразной художественной гармонии (ярчайший образец — пушкинские “Бесы”).

При теперешнем строении твоей сказки приходится напряженно угадывать, что ты хочешь сказать (я имею в виду не мысль, но мироощущение).

Образы Бабы-Яги, Солдата, Смерти, Русалки, Кикимор (Леший, Водяной как-то бледнее) очерчены превосходно, но между ними нет достойной их (я имею в виду очерченные тобой характеры) драмы. Их взаимодействие как-то неопределенно, они больше мельтешат, чем действуют.

Образ же Кощея (главный, как явствует из названия), по-моему, недостаточно глубок. Ведь это русский вариант вечного жида. Мне представляется, что он никак не может быть Ивановичем. Он затесался, прижился на Руси, но он не русского корня. Кстати, ведь само имя от пакость, от глагола (еще сохранившегося в диалектах — псковских, например): кастить (костить) — “гадить, грязнить, испражняться, пакостить”. А это значит, что он не из русского семени.

Своеобразие русского вечного жида в том, что смерть на него все-таки вроде можно сыскать... Авось сыщем... Ничего... народ русский доверчив.

Но это я уже с тобой спорю, — а не этого ты, вероятно, ждешь.

Вот мой ответ: если писать эту вещь, то заново, как драму с рельефным действием. Нельзя, по-моему, возвращать народу замысленные им “характеры” в таком хаотическом, невнятном воплощении.

Прекрасны у тебя частности (особенно меня обаял образ Русалки), но не целое (пусть даже целого ты еще и не создал, оно как-то намечается).

Прости, если огорчил тебя резкостью или тем, что может показаться тебе непониманием.

Помни, что ты всегда во мне — как человеческая мера, которой я поверен, — правильно ли я думаю и решаю.

Обнимаю тебя.

Дима.

(1). Сказка-пьеса “Бессмертный Кощей” впервые была напечатана в журнале “Театр” (1981, №7).

14 декабря 1978

Дорогой Вадим,

спасибо за письмо о моей сказке (1).

Разве я говорил тебе, что это черновик? Я сделал его нынче в Коктебеле за две недели (правда, заготовки кой-какие были).

Конечно, я не имел права показывать тебе недоделанную вещь. Но я вообще сомневался, имею ли право работать в таком духе... Поэтому я позвал тебя на помощь, как повивальную бабку. А ты пришел как бы уже крестить. Теперь же и рожать как-то расхотелось... (2).

Согласен с тобой во всем.

Напрасно только сомневаешься в том, что я не могу спорить с тобой по поводу хаоса в мире и хаоса художественного. Гармония для меня – это Бог. И не только в искусстве. А хаос – это хаос и есть. Хаосом в жизни, вернее, желанием его изобразить никогда не оправдаешь отсутствие гармонии, то есть хаос в произведении.

Совершенно справедлив ты в оценке Коцея. Конечно же, он не Иванович. Он такой же Иванович, как... придумай чего-нибудь сам. Ну, скажем, как Емельян (Губельман) Ярославский.

У меня недоделано и воспринимается пока напрямую.

Будь здоров!

Надеюсь, поездкой вы все довольны. Поклон семейству.

Насчет Нового года – созвонимся. Я еще не знаю планов жены и родных. Обнимаю.

Белов.

(1). См. прим. 1 к письму 7.

(2). Несмотря на все сомнения, работа над сказкой вскоре была продолжена.

9

5 октября <19>79

Вадим, читал ли ты эту статью (1)? Если уже читал, то извини. Можешь распорядиться отпечатком, как хочешь.

Благодаря тебе я узнал о Понтрягине (2).

Привет твоей жене и дочери.

Надеюсь, все вы здоровы.

Обнимаю.

Белов.

(1). Статья не обнаружена.

(2). Лев Семенович Понтрягин (1908–1988) – советский математик. В. Белов, по-видимому, узнал об этом ученом из кожиновской статьи “Классическая литература, экран и школа” (“Учительская газета”, 1979, 14 августа), где есть такие строки: “Как стало ясно из недавней статьи академика Л. С. Понтрягина “Арифметика и этика”, в последние годы школьное преподавание математики нередко упускает едва ли не главное в своем предмете – математическое мышление. И это напоминает ситуацию с преподаванием литературы...”.

10

23 октября 1980

<День рождения В. И. Белова>

Поздравляю, желаю всего самого доброго тебе. Посылаю подарки. В “Страницах современной лирики” (1) – лучшие поэты нашего с тобой поколения. Наверное, тебе захочется прочитать. Но у меня другая просьба. Вася, прочти всерьез – то есть переживи – книгу Николая Ивановича Тряпкина (2). В ней собрано все лучшее из 17 его книг. И это, поверь мне, замечательнейший поэт, которого смело можно ставить рядом с любым поэтом нашего века.

Прочти сначала те стихи, которые помечены галочкой (v).

И было бы очень хорошо, и я был бы бесконечно рад, если бы ты написал об этой книге несколько слов (точнее, не о книге, а о поэте) – в “Литературную” газету” или в “Наш современник”, или в “День поэзии”. Редактор “Дня поэзии” на 1981 год – Толя Передреев, он счастлив будет опубликовать твое размышление.

Мне кажется, что ты захочешь написать о Тряпкине. Если не так – жаль, но ничего не поделаешь (3).

Обнимаю, помню всегда.

Ответ – главное – твое мнение о поэзии Тряпкина.

Дима Кожин.

Р. С. В ноябре выходит альбом грампластинок “Николай Рубцов. Стихи и песни”. Не знаю, удастся ли мне достать несколько экземпляров, чтобы подарить тебе. Ты бы заказал в Вологодском магазине фирмы “Мелодия”. Там прекрасные записи чтения самого Николая, и еще Тюрин четыре песни поет.

Мою книгу не читай (или уж две последние главы) – это переиздание “Как пишут стихи” (4).

(1). В этот сборник, составленный В. Кожинным в 1980 году, вошли стихи 12-ти современных поэтов. Он стал большим событием в тогдашнем литературном процессе, хотя вышел в издательстве “Детская литература” и предназначался для *старшего школьного возраста*.

(2). Имеется в виду “Избранное” Н. И. Тряпкина (1918–1999), вышедшее в 1980 году с предисловием В. Кожина.

(3). Рецензия не была написана. В. Кожин обращался с просьбой написать о Н. И. Тряпкине и к другим своим знакомым. Откликнулся петербургский филолог В. А. Котельников, написавший рецензию “Перуново древо поэта” для журнала “Литературная учеба” (1985, № 5).

(4). Книга вышла в 1980 году под названием “Стихи и поэзия”.

11

22 марта 1981

Дорогой Вася!

Давно хотел обратиться к тебе с одной просьбой, но как-то не решался – даже, когда ты был у меня, думал попросить, но прикусил язык. А сейчас отчего-то решаюсь.

Ты мог бы заметить, что в моем доме нет столь *модных* ныне икон или репродукций с них. Я не считал возможным что-либо повесить на стену, ибо не было лика, к которому бы я испытывал глубочайшее, всепроникающее благоговение. А чтобы находилось на стене нечто просто ценное, я не хотел.

И вот, по твоему пожеланию, я долго всматривался в лик Николая в Феррапонтовом монастыре (1), и он меня *пронзил*. Думаю, что этот лик больше, чем какой-либо другой, говорит нам, как нужно и мыслить, и чувствовать Россию. И мне, честное слово, трудно теперь без него.

Очень прошу, – если это, конечно, возможно, подарить мне большую (чем больше – тем лучше, скажем, метр на метр или на полтора) фотографию этой фрески. Лучше бы, конечно, цветную фотографию, но это, думаю, труднее, и к тому же цвет может оказаться неважным.

В идеале-то, понятно, светло-коричнево-голубая гамма фресок очень содержательна. Но как получится...

Я мог бы, конечно, обратиться к кому-нибудь еще, но, во-первых, твой дар был бы мне особенно дорог (к тому же и *послал* меня к этому лику ты), а во-вторых, боюсь, что другой человек просто не способен выбрать (или там заказать) верную фотографию, которая воссоздавала бы главное.

Вот такой я дерзкий проситель. Но, поверь, это в самом деле крайне важно для моей жизни (именно так). Повторю еще раз, что я до сих пор ничего не *выставлял* на свои стены.

Буду с волнением ждать ответа.

Всего тебе самого доброго, лучшие пожелания семье.

Вадим.

(1) Фреска Дионисия Рождественского собора Феррапонтова монастыря. В конце 90-х годов в работе “Преподобный Иосиф Волоцкий и его время” В. Кожин высказал предположение, что Дионисий, “сотворяя свой проникновенный образ, вложил в него и видение, и понимание своего “возлюбленного брата”, преподобного Иосифа Волоцкого. В лике Святителя Николая, созданном Дионисием в 1502 году, воплощено предчувствие грядущих испы-

таний и готовность к ним, но вместе с тем в нем проступает и убежденность в конечном торжестве Истины...”

12

20 апреля 1981
Дорогой Вадим!

Я тебя даже очень понимаю (насчёт *Никола* Дионисия). На мой взгляд, цветной снимок хуже черно-белого. У меня же нет таких больших, какого ты хочешь. Свяжись с Толей Заболоцким (1) (т. 299-78-28): у него есть слайд. Договорись с ним. Но, повторяю, лучше сделать большой черно-белый кадированный (фу, какое словечко!) (2).

Будь здоров, жене и дочери – поклон.
Белов.

(1). Анатолий Дмитриевич Заболоцкий (р. 1935) – кинооператор-постановщик, фотохудожник, любимый оператор В. М. Шукшина, близкий друг Василия Ивановича Белова. В 1978 году участвовал в создании фильма “Целуются зори” по одноименной повести В. Белова.

(2). В. Кожин последовал совету Белова и заказал цветную фотографию лика Святого Николая работы Дионисия у А. Д. Заболоцкого. Этот лик, воспетый Ю. П. Кузнецовым: “Твой дом парит в дыму земного шара, / А выше Дионисий и гитара...”, – и поныне находится в кабинете Вадима Валериановича в доме на Б. Молчановке.

13

6 января <19> 83

Дорогой Вадим, ну, и наворотили вы для этих самых библиофилов! (1)

Я понимаю журналистов – эти для красного словца не пожалеют ни мать, ни отца. А ты ведь не журналист, и как <ты> можешь безответственно кидаться сомнительными идеями?

Мысль о преимущественно книжной культуре России сама по себе спорна и дает простор демагогии. Нет, братец, живопись и *вокал*, как ты говоришь, не уступали на Руси *книжности*, как, впрочем, и в Италии. Архитектура – та тоже не уступала... Ты же прекрасно это знаешь!

Насчёт специфики русского образного мышления вы с Ерохиным тоже подзапутались. Откуда взяли вы незавершенность у Пушкина или у Глинки? Бесперывность я принимаю, но незавершенность, да еще нарочитую? Уволь! Тут у вас черт знает что наговорено! И уж совсем смешно выглядит на основе этой мысли утверждение по поводу разрушения памятников во имя разрушения *статуарности*. Во-первых, само по себе нелепое предположение. Во-вторых, памятников в России было так много (в одной Вологде до революции действовало 85 церквей), что снос... Да что тут говорить. “Известно, – толкует твой собеседник, – что в Москве во второй половине XVIII века было разрушено больше памятников русского зодчества, чем за два последующих столетия...”

За это, извини меня, уже *бьют в морду*... Это ложь и провокация, а ты подпеваешь. Маркиз де Кюстин тоже, кстати, лгал, не задумываясь. Не зря ты его помянул.

Еще разреши, дорогой Вадим, не согласиться с тобой насчет джаза: он заполонил советский эфир и эстраду, а на Западе у него не такая уж и широкая *пандемия*. Там молодежь поет теперь свои народные песни (сам видел и слышал, хотя бы и в Англии). Твой выпад против ограниченности фольклора – тоже оставляя на твоей совести.

И ещё: я очень люблю Кузьмина (2). Но ему далеко не только до Пушкина, но и даже до Лескова. По моим представлениям, иллюстратор текста никогда не достигнет того, что в тексте, да и достигать не надо.

В остальном я согласен с тобой, особенно хорошо ты сделал, что сказал об опасности телевидения, инсценировок и пр.

Привет Лене и Саше (3), позволь, хоть и с опозданием, но поздравить всех вас с Новым Годом.

Белов.

Через неделю буду в Москве.

...Если б перечислить все, что взорвано только у меня на родине... Но взрывал не русский народ – взрывали враги.

(1). Имеется в виду интервью В.Кожина “Воплощенное в слове”, опубликованное в “Альманахе библиофила” за 1982 год. Вел интервью тогдашний ответственный редактор “Альманаха библиофила” В. П. Ерохин, на досуге увлекающийся джазовой музыкой (отсюда в интервью так много места занимает джаз, столь далекий и от книжной темы, и от сферы интересов Вадима Валериановича).

(2). Николай Васильевич Кузьмин (1890–1987) – художник-график, иллюстратор произведений Пушкина, Лермонтова, Лескова.

(3). Дочь Кожина.

14

21 февраля 1983

Милый Вася!

Так увлекся твоим “Ладом” (1), что все никак не соберусь высказать свое восхищение и сердечную благодарность. Думаю о том, что книга поистине уникальна, неповторима. Вот ведь и хотелось бы поставить ее в некий ряд, где книги Афанасьева, Даля, Аксакова, – но ничего не получается. “Лад” – не еще одна книга, а единственная в своем роде, хотя, может быть, и открывающая некий будущий ряд.

Впрочем, ты и сам о своем все знаешь, – так я себе представляю.

О твоей атаке на интервью в “Альманахе библиофила” (2) в письме не скажешь – слишком широкие и сложные вопросы здесь таятся. То, что мы вообще ругаемся, – вполне естественно, это вполне здоровое явление, – только бы не забыть в какой-то момент о главном. Там, где все друг с другом соглашаются во всем, – нет живой жизни.

Может быть, как-то удастся поговорить без суеты и торопливости, и что-нибудь выяснится. Странно мне только, что напал <ты> на какое-то интервью, а о статье в “Нашем совр<еменнике>” (1981, № 11) (3) сказал только как-то, что с ней во многом не согласен. Скажу тебе по секрету, что для меня самое важное в том интервью – цифры в конце (на стр. 27). Жаль, что ты, как и многие, в них не взгляделся. Эти трагические цифры о многом скажут, если подумать.

Но, в конце концов, все это не так уж существенно. Я надеюсь, что мы (в том числе и ты, и я) еще многое переживем и поймем. И вся суть, чтобы быть живым в самом полном смысле слова.

Всего самого-самого доброго тебе и твоей семье, Лена и Саша сердечно вас приветствуют и благодарят.

Обнимаю.

Вадим, Дима

Р. С. Был у меня Евг<ений> Ив<анович> Осетров (4), увидел “Лад” и огорчился, что ему не подарено. А я, – говорит, – первым на “Лад” в печати откликнулся. У Е. И. есть свои недостатки, но мужик он хороший, и книга его “Живая Древняя Русь” свое дело сделала. Впрочем, конечно, это твое дело, Вася.

На всякий случай – его адрес:

125319 М., Красноармейская ул., д. 25, кв. 12.

(1). Книга “Лад. Очерки о народной эстетике” вышла в 1982 году с фотографиями А. Д. Заболоцкого. Отдельными очерками “Лад” выходил в 1979–1981 годах в журнале “Наш современник”.

(2). См. прим. 1 к письму 13.

(3). Этой статье – “И назовет меня всяк сущий в ней язык...” – В. Кожин придавал большое значение. Написанная в 1980 году, ровно через сто лет после “Речи о Пушкине” Достоевского (и с явным сопоставлением с нею), она была во многих отношениях переломной в творчестве Вадима Валериановича. В частности, в статье обозначился переход от вопросов литературы к вопросам русской истории и историософии.

(4). Евгений Иванович Осетров (1923–1993) – писатель, активный деятель всесоюзного движения книголюбов, инициатор создания и главный редактор “Альманаха библиофила”.

15

<1983?>

Дорогой Вася!

Прекрасный человек и писатель Баграт Шинкуба (абхаз, 1917 г. рождения), бесконечно тебя ценящий, написал, так сказать, абхазский “Лад” – повесть о своем детстве и отрочестве в 1920-е годы, изобразив весь круговорот жизни крестьянской семьи, вобрав едва ли не всю историю и творчество своего народа (1).

Передо мной 400 машинописных стр<аниц> подстрочника, хорошо подготовленного. Не сомневаюсь нисколько, что тебя эта вещь поистине восхитит.

Пишу на всякий случай – с малой надеждой: вдруг ты не откажешься изложить это по-русски? Шинкуба был бы счастлив. Перевод будет сразу же опубликован и в Абхазии, и в любом московском журнале, а затем в виде книги.

Ответь, пожалуйста, – хотя бы одной строкой: согласен ты или нет (2).

Всего тебе самого доброго.

В. Кожин.

Да, договор с авансом можно сразу же заключить через грузинское агентство (у них там такое создано). И еще, конечно, прежде чем переводить, <Шинкуба> пригласит тебя на месяц-другой в Абхазию, в деревню.

(1). Имеется в виду роман Б. В. Шинкуба “Рассеченный камень” (увидел свет на абхазском языке в 1983 году). С Б. В. Шинкуба (как и со многими другими абхазскими деятелями культуры) Кожинова связывала сердечная дружба, основу которой составляла давняя любовь и привязанность Вадима Валериановича к Абхазии и её народу.

(2) Предложение Кожинова, по-видимому, не заинтересовало Белова; на русском языке роман “Рассеченный камень” вышел в 1986 году в переводе И. Бехтерева.

16

18 ноября 1987

Дорогой Василий Иванович!

Хотел вообще-то написать “Вася”, но подумал, что, может быть, тебя так никто сейчас, кроме родственников, не называет, и решил не нарушать общего тона.

Обращаюсь к тебе по настоятельным просьбам кубанцев, которые составляют книгу памяти Юрия Селезнева (1). Они очень огорчены тем, что никто из больших писателей (Астафьев, Распутин и еще ряд *больших* – хотя бы по репутации) не собрался написать что-нибудь в эту книгу. Это, в частности, дает основание руководству издательства всячески *придерживать* <её> – вот, мол, Селезнев не такая уж серьезная фигура... (2)

Поверь, я хорошо понимаю, сколь трудна и сложна твоя жизнь (в самом широком, полном смысле слова), но все же мне думается, что есть глубокие основания для того, чтобы ты написал несколько страниц о Юрии Ивановиче, – страниц самых вольных по теме и стилю.

Я даже уверен, что если бы ты выбрал время и перелистал его книги и письма к тебе, то само собой что-либо написалось <бы>. В частности, и потому, что сейчас можно ведь в связи с размышлениями о судьбе Юрия сказать нечто очень существенное, чего нельзя было сказать еще год-два назад.

Если бы не неоднократные жалобы с Кубани, я не стал бы тебя беспокоить.

Радуюсь душой, вспоминая новогодние дни в Вологде, – хоть и не пришлось как-то всерьез поговорить с тобой.

От всех нас сердечный привет тебе и твоей семье.

Твой В. Кожинов.

Да, если ты напишешь что-нибудь, послать можно мне или же прямо Лихоносову (3).

(1). Юрий Иванович Селезнев (1939–1984) – писатель, один из лидеров патриотического движения в 70-х – начале 80-х годов. Любимый ученик В. Кожинова, друг Белова (последняя прижизненная книга Ю. И. Селезнева была посвящена творчеству Василия Ивановича).

(2). В. Кожинов не знал, что в этот же день (то есть 18 ноября), когда он писал письмо, в Краснодаре была подписана в печать книга воспоминаний о Ю. И. Селезневе “Память созидающая”, что, вероятно, вскоре и выяснилось, и надобность в воспоминаниях Белова отпала.

(3). Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) – писатель, один из составителей сборника “Память созидающая”.

17

16 мая 1988

Дорогой Вадим!

Кабы знал я, что в “Н<ашем> С<овременнике>” будет твоя статья (1), не стал бы тратить дни на свою, косноязычную и осторожную (будет в № 6 “Нового мира”) (2).

Спасибо! Ты одним махом поставил крест на всей этой *трепотне* вокруг Рыбакова, Бека и т. д. (3) А почему Петр Васильевич (4) отсиживается в окопе и не вылезает на бруствер? Другие что думают? Или ждут, что ты и за них скажешь (о разрушении эстетики, <нрзб>, про гибель театра, насчет плюрализма, оправдывающего гомосексуалистов и т. д.)

Особенно надо бы разъяснить людям, что такое культ. Не кто такой Сталин, а что значит культ.

Ладно. Будь здоров и как прежде удачлив в работе. Жене, дочери и зятю – мой поклон. До свидания.

Белов.

(1). “Правда и истина” // Наш современник. 1988, № 4.

(2). “Ремесло отчуждения: Бюрократия и экология. Размышления при разборе бумаг” // Новый мир. 1988, № 6.

(3). В статье “Правда и истина” В. Кожинов дал блестящий анализ романа А. Н. Рыбакова “Дети Арбата”, показав мировоззренческую ограниченность, *клановость* того весьма влиятельного в 60–80-е годы *разоблачительно-диссидентского*, крайне идеологизированного (и потому малохудожественного) направления в литературе, вождями которого были А. Н. Рыбаков, Ю. В. Трифонов и А. А. Бек.

(4). Петр Васильевич Палиевский (р. 1932) – филолог, яркий представитель современной почвеннической мысли; друг Кожинова со времен аспирантуры.

18

<май-июнь 1988>

Дорогой Вася!

Очень тронут твоим добрым письмом, хотя ты, конечно, преувеличиваешь достоинства моего сочинения – все это только первые попытки выбраться, так сказать, из бездны, понять смысл совершившегося.

Твою статью в “Н<овом> м<ире>” (1) я еще, понятия, не видел, но когда мой опус (2) в “Н<ашем> с<овременнике>” уже почти вышел в свет, прочитал я твое выступление в “Правде” (3) и был так рад, что мы в каких-то важнейших линиях, не сговариваясь, с тобой совпали – вплоть до товарища Яковлева (4).

Хотел бы повидаться, – хотя бы, глядя друг на друга, помолчать. Так что, если выберешься в Москву, зайди. Ты помнишь, что живу я *ближе всех*, у Арбатского перекрестка.

Обнимаю тебя, и семейство мое, любящее тебя, присоединяется. Всего самого доброго твоему Дому (или двум домам – включая Тимонику).

Вадим.

(1). См. прим. 2 к письму 17.

(2). Статья “Правда и истина”.

(3). “Возродить в крестьянстве крестьянское...”: Интервью с В. Беловым / Записали А. Арцибашев и Г. Сазонов // Правда. 1988. 15 апр<еля>.

(4). Александр Николаевич Яковлев (1923–2005) – партийный деятель, один из главных *прорабов перестройки*, приведшей в 1991 году к распаду СССР. Будучи и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, в ноябре 1972 года опубликовал в “Литературной газете” статью “Против антиисторизма”, в которой с позиций догматического марксизма подверг жёсткой критике представителей почвеннического направления в литературе, в том числе и В. Кожина.

19

25 января 91

Вадим Валерьянович.

Клевета на Есенина давно выявлена, только ты с Прокушевым не веришь истине...

Даже Вознесенский (Андрей) признал, что Есенин был убит (в частном разговоре с В. Ганичевым) (1).

Будь здоров, пока!

Белов.

(1). Это краткое послание является, по-видимому, откликом на неустановленное выступление В. Кожина о Есенине. Вадим Валерианович не разделял версию об убийстве поэта, находя достаточным объяснение причины смерти в том крайне тяжелом душевном состоянии, в котором находился Есенин последние два-три года жизни.

20

17 января <19>98

Дорогой Вадим!

Дочитал я до 150-й стр<аницы>, и возникло желание возразить Миллеру и тебе (1). Что он называет *тёмной*, т<о> е<сть> крестьянской средой? Разве в IX–X веках воин (дружинник) и крестьянин-хлебопашец <были> не одно и то же? Один конь землю пахал и в битву скакал, воин (даже князь) был одновременно и хлебопашцем.

Стремление разделить Русь на классы осталось у тебя в книге.

На мой взгляд – это отголосок вульгарного социологизма, *классовости*. Героический эпос выше всех классов, спорить о том, кто его создавал, не стоит...

А так, разумеется, я целиком с автором *современного взгляда*.

Завтра выезжаю в Москву, пишу, чтобы не забыть.

К несчастью, из-за дурных обстоятельств я не смогу приехать на вечер Передреева (2). Здоровье все хуже...

Лене и дочери кланяюсь.

Белов.

(1). Имеется в виду книга В. Кожина “История Руси и русского Слова. Современный взгляд” (1997), в которой одна из глав (“Воплощение в русском Слове “героического периода” истории Руси”) посвящена вопросу о происхождении былин. В ходе исследования Кожин опирается на мнения многих филологов и фольклористов, в том числе В. Ф. Миллера, доказывавшего, что былинный эпос первоначально сложился в аристократической среде, а в *низшем слое народа* он мог только искажаться. При этом Кожин оговаривался, что в суждениях В. Ф. Миллера “есть небрежные и слишком заостренные формулировки”.

(2). Вечер памяти поэта Анатолия Константиновича Передреева (1932–1987) с участием В. Кожина состоялся 18 ноября 1997 года в московском Центральном Доме Российской Армии.